

ЧЕСТНОСТЬ
УБИВАЕТ

18+

Стивен Марш

Честность убивает

<https://litres.ru/74358908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он начал как адвокат, который не проигрывает дела, — и стал тенью мафиозного мира, стратегом и консильери для самых влиятельных семей. Он строил империю на лжи, подставлял врагов, пережил предательства и потери, но сумел подняться до губернаторского кресла, чтобы использовать власть во благо — или для собственного искупления. Лакки Кейн превратил обман в искусство, а цинизм — в философию. Его путь от юридических уловок до политических интриг и криминальных войн — это хроника того, как далеко можно зайти, если не останавливаться ни перед чем. Но когда прошлое стучит в дверь, а правда становится оружием, он вынужден ответить на главный вопрос: можно ли построить всё на лжи и остаться целым?

А что выберете вы — честность, которая делает вас уязвимыми, или ложь, которая делает вас сильными, или, может быть, вы попытаетесь найти ту самую, неуловимую золотую середину, которую так долго искал Лакки Кейн?

Содержание

Глава	5
Часть первая: Сладкая ложь	6
Глава 1. Дьявол в деталях	7
Глава 2. Хищник в своем логове	10
Глава 3. Суицид на завтрак	13
Глава 4. Крестная мать	16
Глава 5. Друзья по оружию	18
Глава 6. Мертвая улика	20
Глава 7. Один в поле воин	22
Глава 8. Суд шутов	24
Глава 9. Флешбэк: Жёлтая луна	26
Глава 10. Западня для марионетки	27
Часть вторая	29
Цена молчания	29
Глава 1. Прокурор с женским лицом	30
Глава 2. Джокер в рукаве	33
Глава 3. Монолог у зеркала	36
Глава 4. Разговор с дьяволом	38
Глава 5. Эвелин под прицелом	41
Глава 6. Тень прошлого	43
Глава 7. Грязная работа	45
Глава 8. Судный день	46
Глава 9. Расплата	48

Глава 10. Цена монолога	50
Часть третья	53
Стук из прошлого	53
Глава 1. Голос из магнитофона	53
Глава 2. Библиотекарь с железной рукой	56
Глава 3. Первая шахматная партия	59
Глава 4. Отец, которого не было	61
Глава 5. Двадцать лет назад: последний год школы	64
Глава 6. Университет: первый курс	66
Глава 7. Мать и её секрет	68
Глава 8. Каталог слабостей: новые записи	70
Глава 9. Встреча в старом кафе	72
Глава 10. Стук в стекло	74
Часть четвёртая	76
Игры в темноте	76
Г	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Стивен Марш

Честность убивает

Глава

Главный герой – Лакки Кейн

Часть первая: Сладкая ложь

Глава 1. Дьявол в деталях

Дождь лил так, будто сам город решил утопиться в собственной грязи. Серый, промозглый, он заливал стеклянные витрины «Гурмэ-Плаза», превращая вывески в размазанные акварельные пятна. Лакки Кейн стоял у стойки с сырами, держа в руке банку трюфельного масла «Urbani» за сто семьдесят долларов, и смотрел на кассиршу через проход.

Её звали Бренда. Он знал это, потому что прочитал имя на бейдже, когда заходил. Он знал, что у неё болит собака, потому что за секунду до этого увидел, как она смахивает слезу и убирает телефон с фотографией мопса в ветеринарной клинике. Люди всегда выдают себя — в их телефонах, в их глазах, в том, как они поправляют волосы, когда им грустно. Лакки просто умел смотреть.

Он положил масло в тележку рядом с бутылкой «Macallan 18». Это была его рутина. Маленький ритуал перед большим делом. Он называл это «разогревом». Система — гигантский, бездушный Левиафан — никогда не заметит потери пятнадцати баксов. Кассирша получит невинную благодарность и минуту человеческого тепла. А Лакки получит свой маленький, острый кайф.

— Бренда, — сказал он, подходя к кассе и улыбаясь той улыбкой, которая стоила ему тысячи часов практики перед зеркалом. — Выглядите уставшей. Собака всё ещё не ест?

Она вздрогнула, подняла на него красные глаза и растерянно улыбнулась.

— О, господи, вы запомнили? Да, Бенджи... Мы думали, инфекция, но врач сказал, что просто стресс. Как у людей, представляете?

— Стресс — самая дорогая болезнь, — сказал Лакки, протягивая ей купюру и одновременно отвлекая взгляд на витрину с конфетами. — Моя мать говорила, что если бы стресс можно было облагать налогом, правительство купило бы Луну.

Бренда засмеялась, пробила виски, положила бутылку в пакет. Масло осталось лежать в тележке, прикрытое газетой. Она даже не глянула на итоговую сумму.

— Спасибо, вы такой внимательный, — сказала она.

— Выздоровливайте, Бренда. И Бенджи тоже, — ответил Лакки, беря пакет.

Он вышел под дождь, и холодные капли ударили по лицу. Внутри разлилось привычное, почти сексуальное удовольствие. Не от денег — от процесса. От того, что мир снова купился на фальшивку. *«Она не заметила, — подумал он, открывая зонт. — Ей плевать. Магазин — это сеть с оборотом в полмиллиарда. Я украл у бездушной корпорации пятнадцать баксов, а она расскажет подругам, какой вежливый у неё был покупатель. Я дал им ложь, они дали мне товар. Сделка».*

В кармане завибрировал телефон. Лакки посмотрел на

экран — Карл, его помощник, парень с вечно встрепанными волосами и зачатками совести, которая его непременно погубит.

— Лакки, у нас клиент. Срочный.

— Все клиенты срочные, Карл. У них либо тюрьма, либо смерть. Разницы нет.

— Этот платит наличными. И он говорит, что его подставили. Двойное убийство.

Лакки остановился. Дождь барабанил по зонту, как метроном смерти. Двойное убийство. Запахло большими деньгами. И большими проблемами.

— Через час у меня. И скажи ему, чтобы принёс все бумаги. Даже те, которые он думает выбросить, — сказал Лакки и отключился.

Он сунул телефон в карман и, проходя мимо мусорного бака, бросил туда чек. Чек, где масло не было пробито. Мелкий грех, который никто никогда не раскроет. Но Лакки знал: дьявол всегда прячется в деталях. И чем больше деталей ты контролируешь, тем дальше ты от ада.

Глава 2. Хищник в своем логове

Офис Лакки находился на седьмом этаже здания, которое архитекторы называли «пост-индустриальным минимализмом», а нормальные люди — бетонной коробкой. Никакого уюта. Стекло, сталь, серый цвет. Ни одной фотографии на стенах, ни одной личной вещи на столе. Только ноутбук, папки и стакан с карандашами, которыми он никогда не пользовался. Клиенты должны видеть пустоту. Пустота означает, что у него нет слабостей. У него нет, за что зацепиться.

Клиент, которого Карл впустил в кабинет, был плотным мужчиной лет сорока, с обветренным лицом и руками в татуировках, которые он пытался скрыть рукавом рубашки. Водитель. Лакки прочитал это по его осанке — привычка сидеть прямо, слегка наклонив корпус вперёд, как за рулём. И по запаху — дешёвый бензин и машинное масло.

— Майкл Дорн, — представился клиент, протягивая влажную ладонь. — Мне сказали, вы лучший.

— Мне сказали, вы платите наличными, — ответил Лакки, не пожимая руку. Он сел за стол, скрестил пальцы и посмотрел на Дорна так, словно тот был рентгеновским снимком. — Садитесь.

Майкл сел, нервно сглотнул. Лакки видел пот на его висках, дрожащие пальцы, бегающие глаза. Страх. Настоящий, животный страх. Но не страх убийцы. Убийцы пахнут по-

другому — они пахнут оправданием. Они приходят и говорят: «*Они заслужили*». Этот же пришёл и молчал, потому что не знал, как объяснить то, чего не совершал.

— Ваше дело, — начал Лакки, открывая папку, которую Карл успел раздобыть из полицейского архива (ещё одна маленькая услуга за бутылку виски). — Вы работаете на транспортной компании «Омега Логистик». В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое ваш грузовик стоял на парковке у склада. Два человека убиты выстрелами из пистолета, который, по версии следствия, был найден в вашей кабине. Вы утверждаете, что не были там. У вас нет алиби, потому что вы спали дома в одиночестве.

Майкл кивнул.

— Я не делал этого, мистер Кейн. Клянусь.

— Не клянитесь. Клятвы — это для церкви. В суде они ничего не стоят, — Лакки перевернул страницу и нахмурился. — Здесь есть процессуальная ошибка. Протокол обыска. Они нашли оружие в вашей кабине, но забыли поставить подпись понятых. Обыск проводили в три часа ночи, без свидетелей. Технически, улика — это мусор.

Глаза Майкла загорелись надеждой.

— Значит, меня отпускают?

Лакки поднял на него холодный, стальной взгляд.

— Нет. Тебя не отпускают. Тебя — *оправдают*. Если ты будешь делать то, что я скажу. Есть разница. Надежда — это яд. Забудь о справедливости. Её нет. Есть только процесс. Я

буду врать за тебя. Сладко, красиво, убедительно. Твоя задача — сидеть и не делать в зале суда лицо, которое говорит «я виноват». И ещё — ты будешь платить мне за каждую минуту, когда я думаю о том, как обойти закон. Думать — это дорого. Ты готов платить?

Майкл сглотнул и вытащил из кармана конверт.

— Здесь десять тысяч. Аванс.

Лакки взял конверт, не считая. Он знал, что там десять тысяч. Он знал это по толщине бумаги. Он убрал конверт в ящик стола, туда же, где лежала фотография старой женщины — его матери — в потёртой серебряной рамке.

— Отлично, — сказал он. — Теперь выметайся. Я буду работать.

Когда Майкл ушёл, Карл просунул голову в дверь.

— Ты реально думаешь, что он невиновен?

Лакки усмехнулся.

— Какая разница, Карл? Виновен или нет — это вопрос религии. А я юрист. Я продаю не истину. Я продаю версию.

Он закрыл папку и достал телефон. Эксперт по видеозаписям был уже в списке контактов. Время накручивать механизм.

Глава 3. Суицид на завтрак

Забегаловка «У Джо» пахла жареным луком, дешёвым кофе и безнадёгой. Лакки сидел в дальней кабинке, потягивая чёрный американо, и ждал своего информатора — детектива Рейнольдса. Коп был старым, уставшим и продажным ровно настолько, чтобы оставаться полезным, но не до такой степени, чтобы стать опасным.

Рейнольдс пришёл ровно через десять минут, сел напротив, заказал яичницу и, не глядя на Лакки, проговорил:

— Твой водитель — расходный материал. Дело шито белыми нитками. Главный свидетель — наркоман по имени Дэнни Паркер. Он «вспомнил», что видел грузовик у склада, спустя неделю после убийства. Вспомнил, когда ему пообещали закрыть его собственное дело о краже.

— Свидетель — ключ, — кивнул Лакки. — Но он сломен. Как его расколоть?

— Не расколоть. Он уже дал показания. Единственный способ — заставить его их изменить.

Лакки допил кофе и поставил чашку на стол с лёгким звоном.

— Я не буду его запугивать. Это слишком примитивно.

— А что ты будешь делать?

— Я его *соблазню*, Рейнольдс. Я дам ему то, чего он хочет больше всего на свете.

В тот же день Лакки встретился с Дэнни Паркером в его грязной квартирке. Пахло сыростью, немытыми носками и отчаянием. Паркер сидел на продавленном диване, подёргиваясь, с красными глазами, и смотрел на Лакки с подозрением.

— Я не буду менять показания, — сказал он. — Меня посадят.

— Посадят, — согласился Лакки. — Если ты не изменишь показания, тебя посадят за кражу. Срок — пять лет. Если ты изменишь показания, ты станешь пострадавшим. Ты видел оружие, ты испугался, ты ошибся. Судья получит твоё заявление о том, что ты раскаиваешься, и я лично прослежу, чтобы твоё дело о крахе закрыли. А ещё ты получишь вот это.

Он положил на стол фотографию мотоцикла «Harley-Davidson» 2023 года выпуска. Паркер уставился на неё так, словно увидел Бога.

— Откуда у меня будут деньги на это? — прошептал он.

— Я сделаю так, чтобы тебе выплатили компенсацию за «моральный ущерб». Ты будешь жертвой системы, Дэнни. А жертвам платят. Запомни: *честность ломает тебе жизнь. Ложь даст тебе новый мотоцикл.* Я не предлагаю тебе стать хорошим. Я предлагаю тебе стать счастливым.

Паркер молчал минуту. Потом медленно кивнул.

— Что мне делать?

Лакки улыбнулся.

— Ничего. Ты уже сделал. Позже я пришлю тебе текст но-

вого заявления. Ты его просто перепишешь. Своей рукой.

Когда он вышел на улицу, дождь уже прекратился, но небо оставалось свинцовым. Лакки закурил, выпустил дым в промозглый воздух и подумал: *«Ещё одна сделка. Ещё один человек, купившийся на сладкую ложь. Мир так устроен. Люди не хотят правды. Они хотят удобной сказки»*.

Глава 4. Крестная мать

Больница для пенсионеров пахла антисептиком и смертью. Лакки ненавидел этот запах, но он приходил сюда каждую неделю. Его мать, Лорейн Кейн, лежала в палате на третьем этаже, и когда он вошёл, она сидела в кресле у окна, разглядывая серые многоэтажки за стеклом.

— Люк, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты сегодня рано.

— Я скучал, мама, — ответил Лакки, целуя её в щёку и ставя на тумбочку пакет с лекарствами. — Принёс тебе таблетки. Отличные, французские.

— Краденые?

— Почти бесплатные. Знакомый фармацевт.

Лорейн медленно повернулась. Ей было семьдесят три, но глаза у неё оставались острыми, как лезвие скальпеля. Она много лет проработала операционной медсестрой и видела столько смерти и грязи, что её уже невозможно было удивить. Она единственная называла его Люком, а не Лакки.

— Ты опять впутался в какое-то грязное дело, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— Я всегда впутан в грязные дела, мама. Это моя работа.

— Ты находишь лазейки, сынок. Ты всегда их находил. Но закон — это не карта с обходными путями. Закон — это океан. И у него есть дно. Упадёшь — не встанешь. И даже

я тебя не вытащу.

Лакки сел на стул рядом с ней, взял её руку — сухую, с тонкой кожей, покрытую старческими пятнами.

— Я не падаю, мама. Я скольжу. Всегда контролирую ситуацию.

— Ты думаешь, что контролируешь. Но ты забываешь, что другие тоже умеют врать, Люк. И они могут врать лучше тебя.

Она замолчала, и Лакки почувствовал, как внутри что-то кольнуло. Он никогда не говорил матери о мафии. Она думала, что он просто успешный адвокат. Но её слова застряли в голове, как заноза.

Через час он вышел из больницы, прошёл под дождём до машины и сел за руль. *«Она знает, — подумал он. — Она всегда знает больше, чем говорит. Надо быть осторожнее».*

Глава 5. Друзья по оружию

Закрытый покерный клуб находился в подвале старого особняка в центре. Там играли только по приглашениям. За столом сидели люди, которых в полиции называли «семья», а Лакки называл «системой координат». Он не боялся их. Он их уважал ровно настолько, чтобы не переступать черту.

Сегодня за столом был Винсент «Винни» Моретти, седовласый босс, который в свои пятьдесят смотрелся как университетский профессор, если бы не шрам на скуле и холодный взгляд убийцы.

Лакки играл в покер с ними уже три часа. Он не блефовал в картах — это было его правилом. С мафией нужно быть честным в мелочах, чтобы потом иметь право врать в главном.

— Ты как змея, Кейн, — сказал Винсент, сбрасывая карты и делая глоток виски. — Ты даже воздух вокруг себя продаёшь.

— Воздух — это ресурс, Винни, — ответил Лакки, забирая банк. — Как и информация. Кстати, я слышал, у тебя проблемы с иском о клевете. Какой-то журналист написал, что ты финансируешь наркотрафик. Глупость. Я могу закрыть это за один день.

Винсент усмехнулся.

— И сколько ты возьмёшь?

— Нисколько. Я возьму услугу.

Глаза Винсента сузились.

— Какую?

— Ту, которая мне пригодится в будущем. Просто обещай, что когда я попрошу информации, ты дашь её мне. Без лишних вопросов.

— А если информация касается тебя самого?

— Я справлюсь, — улыбнулся Лакки.

Винсент поднял бокал.

— Сделка, Кейн. Но запомни: у меня есть правило — я не люблю, когда меня используют. И я тоже умею читать людей.

Лакки кивнул, поднимая свой бокал. *«Ты не умеешь, Винни, — подумал он. — Ты умеешь бояться. А я умею использовать твой страх».*

Глава 6. Мертвая улика

Склад вещественных доказательств находился в подвале судебного департамента. Лакки был там впервые, но без труда подкупил охранника — тысяча долларов, и он прошёл в комнату, где хранились видеозаписи с камер наблюдения.

Он вставил флешку в компьютер и нашёл файл с записью от шестнадцатого числа. Машина Майкла Дорна была зафиксирована на парковке у склада в 23:47. Идеальное алиби для прокурора.

Лакки сделал звонок эксперту, мужчине по имени Кеннет. Кеннет был гениальным специалистом в области цифровых технологий и хроническим изменщиком. Лакки уже полгода хранил у себя фотографии его встреч с любовницей — на всякий случай.

— Кеннет, — сказал он спокойно. — Мне нужно, чтобы время на этой записи сдвинулось на три часа назад. Ты можешь сделать это незаметно?

— Это уголовное преступление, Лакки, — прошептал эксперт.

— Это вопрос технологической ошибки, Кеннет. Ты просто перепутал часовой пояс. Системное время, понимаешь? Простая опечатка. Если я не получу эту услугу, твоя жена получит утреннюю почту с фотографиями твоих прогулок по отелям.

Тишина в трубке длилась минуту.

— Будет сделано, — сказал Кеннет и отключился.

Лакки положил телефон в карман и вышел из склада. За спиной остались руины чужой жизни. Но ему было плевать. Война не терпит морали. Она терпит победу.

Глава 7. Один в поле воин

Ночь Лакки встретил в пустой квартире на двадцать пятом этаже, с видом на город, который спал под мокрым одеялом тумана. Он сидел за столом, разбирая бумаги, и вдруг наткнулся на старую фотографию — групповое фото, где он, молодой, с наивными глазами, стоял рядом с клиентами, которых он защищал десять лет назад. Трое из них сели в тюрьму. Не потому, что он плохо работал. А потому, что они, идиоты, пошли в суд с *честными* глазами. Они отказались врать. И тогда судья, который уже был подкуплен прокурором, сломал их.

Лакки сделал себе виски со льдом и долго смотрел на фотографию.

«Честность — это роскошь, которую могут позволить себе только богатые или мёртвые, — подумал он. — Я не богат настолько, чтобы умереть. Я не хочу умирать за чужую глупость».

Он залпом допил виски, и в этот момент в дверь позвонили.

Лакки открыл. На пороге стоял курьер Винсента Моретти, с бумагами в руках.

— Мистер Моретти просит вас «прикрыть» одну сделку завтра утром, — сказал он. — Это касается транспортной компании «Омега Логистик».

Лакки взял бумаги и почувствовал, как в груди похолодело. *«Омега Логистик».* Это же компания, где работает его клиент Майкл Дорн. Босс мафии просит его прикрыть сделку, которая пересекается с делом об убийстве. Случайность? Или ловушка?

Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Впервые за долгие годы он не знал, кто кого использует. *«Ты как змея, Кейн, — прошептал он. — Но даже змея может наступить на свою же голову».*

Глава 8. Суд шутов

Зал суда был похож на театр — высокие потолки, деревянные панели, портреты старых судей на стенах. Лакки любил этот театр. Он знал, что факты не имеют значения. Важно только постановка.

Свидетель обвинения Дэнни Паркер сидел в ложе, нервно теребя край рубашки. Лакки подошёл к нему с томным видом кота, который играет с мышкой.

— Мистер Паркер, — начал Лакки мягко. — Вы утверждаете, что видели грузовик подсудимого у склада в ночь убийства. Но в вашем первом заявлении вы говорили, что были дома. Что заставило вас изменить показания?

Прокурор вскочил:

— Возражение! Это наводящий вопрос!

Судья взглянул на Лакки.

— Поддерживаю. Переформулируйте.

Лакки улыбнулся.

— Мистер Паркер, скажите честно: вы употребляли наркотики в ту ночь?

Паркер сглотнул. Он смотрел на Лакки глазами, полными паники.

— Я... я принимал таблетки от головы.

— От головы? — Лакки подошёл ближе. — В вашей крови нашли метамфетамин, мистер Паркер. И не просто нашли —

ваша проба показала высокую концентрацию. Вы были под кайфом. Вы могли что-то перепутать. Вы могли ошибиться. Так?

Паркер посмотрел на прокурора, потом на присяжных. И тихо сказал:

— Я мог ошибиться.

Лакки развернулся к присяжным и заговорил, глядя каждому в глаза.

— Господа присяжные, правда — это оружие. Честность убивает. Если этот человек скажет, что видел грузовик, он пойдёт в тюрьму. Но он не уверен. Улики сомнительны. Обвинение построено на песке. Я здесь, чтобы спасти подсудимого даже от правды. Потому что правда не всегда справедлива. Иногда правда — это просто чья-то ошибка.

Судья взял паузу, но прокурор, молодой и амбициозный, подал апелляцию на процессуальный ход. И судья согласился. Заседание перенесли на два дня.

Выйдя из зала, Лакки почувствовал, что впервые за долгие годы его план дал трещину. Прокурор не был глупцом. Он играл по его же правилам.

Глава 9. Флешбэк: Жёлтая луна

15 лет назад. Лакки — двадцать пять, он стажёр в мелкой адвокатской конторе. Его босс, мистер Холлоуэй, старый пьяница с гнилыми зубами и ещё более гнилой душой, заставлял его «подчищать» дела — уговаривать клиентов брать копейки, чтобы не идти в суд.

Однажды Лакки увидел, как Холлоуэй отдаёт старой женщине, миссис Грей, чек на пятьсот долларов, хотя её иск выиграл сто пятьдесят тысяч. Она плакала. Она не знала, что босс украл её деньги.

Лакки тогда решил быть честным. Он написал жалобу в совет адвокатов. И его уволили. А Холлоуэя — оправдали. Денег у Лакки не было. Он сидел в баре, пил дешёвый виски и смотрел на жёлтую луну за грязным окном.

В такси, когда он ехал домой, он нашёл бумажник, забытый кем-то. Там было сто долларов. Лакки забрал их. И в тот момент он дал себе клятву: *«Большие никогда не быть честным, если это не выгодно. Никогда»*.

Это был его грехопадение. Его точка невозврата. И он никогда не оглядывался назад. До сегодняшнего дня.

Глава 10. Западня для марионетки

Два дня спустя Лакки стоял у входа в зал суда, перебирая бумаги. Всё было готово. Свидетель сломлен. Улика «устарела». Речь написана так, что даже Иисус заплакал бы от радости.

Его телефон завибрировал.

СМС от матери: *«За тобой пришли. Будь осторожен».*

Лакки нахмурился. Что значит «пришли»? Он не успел переспросить — позвонил прокурор. Голос в трубке был спокойным, даже весёлым.

— Мистер Кейн, у нас есть новый свидетель. Он даст показания прямо сейчас.

— Кто? — холодно спросил Лакки.

— Винсент Моретти. Он согласился сотрудничать со следствием. Он утверждает, что ваш клиент Майкл Дорн был его личным водителем и перевозил не только грузы, но и оружие для его людей. И что он, Моретти, знает об убийстве всё. Он решил сдать его, чтобы получить срок помягче.

У Лакки перехватило дыхание. Винсент. Тот самый Винсент, с которым он играл в покер. Тот самый, кому он доверился. Тот, кто пообещал услугу. Но теперь услуга была продана.

«Его же оружие, — понял Лакки. — Я научил его, что предательство выгодно. И он предал меня».

— Удачи на заседании, — сказал прокурор и повесил трубку.

Лакки стоял в коридоре, чувствуя, как мир сжимается вокруг него. Его суперспособность — читать людей — дала сбой. Потому что он привык врать другим, но забыл, что другие могут врать ему.

Он медленно открыл дверь зала суда. Луч света упал на его лицо, и он шагнул внутрь, не зная, что скажет. Впервые за пятнадцать лет он не знал. Он был марионеткой, а нитки теперь держал кто-то другой.

«Честность убивает, — прошептал он про себя. — Но иногда она убивает тех, кто слишком много лжёт».

Дверь за ним захлопнулась.

Часть вторая

Цена молчания

Глава 1. Прокурор с женским лицом

Свет в зале суда резал глаза — тот самый мертвенный, люминесцентный свет, который высасывает из людей последние тени. Лакки Кейн шагнул через дверь, и его ноги сами принесли его к столу защиты, но голова всё ещё висела где-то в коридоре, где он получил удар от прокурора. Он поставил портфель на стол, медленно, как закладывают мину, и поднял глаза на судью.

— Ваша честь, — сказал он, голосом, который звучал ровно настолько спокойно, насколько может звучать сталь перед закалкой. — Новые обстоятельства, предоставленные обвинением, застали меня врасплох. Я прошу отсрочку на двадцать четыре часа для ознакомления с показаниями мистера Моретти.

Судья нахмурился. Судья Уиллоуби был старым, седым и усталым; он видел достаточно лжи, чтобы различать её по запаху. Но он также видел достаточно процессуальных ошибок, чтобы не рисковать апелляцией.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Заседание переносится на завтра, девять утра. Мистер Кейн, я даю вам сутки. Не больше.

Лакки кивнул и уже собирался собрать бумаги, когда за-

метил, что за столом обвинения сидит не его обычный оппонент — тот толстый, гундосый прокурор, который играл по нотам и проигрывал по расписанию. Вместо него — женщина. Молодая, с тёмными, короткими волосами, собранными в строгий узел, и глазами цвета зимнего океана. Она не смотрела на него с привычной ненавистью или самодовольством. Она смотрела на него так, как смотрят на сложный механизм, который хотят разобрать на детали.

Лакки замер. Он знал все лица в окружной прокуратуре, но это лицо было новым. Он слышал её имя, мельком, от Рейнольдса: Эвелин Роуз. Переведена из федеральной прокуратуры по борьбе с организованной преступностью. И, судя по тому, как она сидела — с идеальной осанкой и расслабленными плечами, — она не собиралась быть просто статистом.

Она встала и подошла к нему, когда он вышел в коридор. От неё пахло дорогим парфюмом и чем-то ещё — может быть, порохом.

— Мистер Кейн, — сказала она, и её голос был низким, уверенным, как у человека, который не привык повторять дважды. — Я слышала о вас много. И хорошего, и плохого. Но мне было интересно, как вы выглядите вблизи.

— Я разочаровал? — спросил Лакки, автоматически надевая маску обаяния.

— Нет, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Вы выглядите именно так, как я и представляла. Уставший, умный и

очень, очень одинокий. Именно такие адвокаты становятся опасными. Или жертвами.

Она не стала ждать ответа. Просто развернулась и ушла, оставив после себя аромат духов и холод в груди Лакки. Он стоял, сжимая портфель, и впервые за много лет не мог подобрать слова для прощального выстрела.

«Она не верит в правду, — подумал он. — Она верит в победу. Это делает её опаснее любого гангстера».

Он вышел из здания суда под морозящий дождь, не раскрывая зонта. Вода стекала по лицу, как слёзы, которых он никогда не позволял себе.

Глава 2. Джокер в рукаве

Вечер опустился на город сырой, липкой темнотой, в которой огни небоскрёбов казались больными глазами. Лакки сидел в своём стерильном офисе, крутил в руках стакан с виски и смотрел на досье Кармине Моретти, которое раздобыл у Рейнольдса за три бутылки «Джонни Уокера».

Кармине — старый лис. Его бизнес — транспорт, импорт, пара ресторанов, за которыми тянулся шлейф отмытых денег. Но в отличие от многих, у него была одна уязвимость, которую он тщательно прятал: дочь, Анджела. Двадцати трёх лет, учится на архитектора, не имеет понятия о делах отца. Лакки нашёл её профиль в соцсетях за десять минут. Она любила лошадей, французское кино и белый шоколад. Идеальная мишень.

Но Лакки не собирался угрожать ей. Он не был монстром. Он был прагматиком. Угрожать дочери — это грубо, примитивно и, главное, неэффективно. Кармине мог бы просто приказать убить его. Нет, нужно было ударить по его страху, а страх Кармине был не за дочь, а за то, что она узнает правду о нём. Разрушить его образ в её глазах — вот что было острее любого ножа.

Лакки набрал номер своего информатора в полиции, лейтенанта Мейера. Тот был не так продажен, как Рейнольдс, но брал «за услуги» — по мелочи.

— Мне нужны старые дела Кармине, — сказал Лакки. — Те, где есть свидетели, которые ещё живы, но по которым срок давности ещё не прошёл. И не говори мне, что их нет.

Мейер хмыкнул в трубку:

— У тебя проблемы, Кейн? Ты что, решил сдать босса?

— Я решил его приручить, Мейер. Есть разница.

Через час он получил список. Три человека, которые могли дать показания против Кармине за последние пять лет. Один из них, некий Виктор Лоренцо, был его личным водителем и знал все тайники. И он отбывал срок за мелкую кражу, не имея ни адвоката, ни денег. Идеально.

Лакки не собирался идти к судье. Он решил сыграть ва-банк: предложить Кармине сделку, но только лично. И для этого ему нужна была встреча. Опасная, почти самоубийственная. Но что оставалось делать человеку, который привык управлять шахматной доской, когда его собственный король оказался под шахом?

Он достал телефон и позвонил Винсенту. Не Кармине — Винсенту, тому самому, с которым играл в покер. Винсент был связующим звеном, человеком, который ещё держал нейтралитет.

— Мне нужно поговорить с Кармине, — сказал Лакки без предисловий.

— Ты сошёл с ума, Кейн? — ответил Винсент. — Он только что дал показания против тебя.

— Именно поэтому, — спокойно сказал Лакки. — Скажи

ему, что я хочу сделать предложение, от которого он не сможет отказаться. Скажи, что я знаю про Виктора Лоренцо.

Винсент помолчал.

— Завтра, в полдень. Место я скажу.

Трубка отключилась. Лакки выдохнул и допил виски. В отражении стекла он увидел своё лицо — усталое, с тёмными кругами, и подумал: *«Я не лгу, чтобы обмануть других. Я лгу, чтобы не разочароваться в них. Но что, если я разочаровался в себе?»*

Глава 3. Монолог у зеркала

Ночь не хотела отпускать его. Лакки стоял перед зеркалом в ванной, держа в руке бритву с тремя лезвиями. Пар от горячей воды затягивал стекло, но он протёр его ладонью и посмотрел на своё отражение. Серые глаза, глубоко посаженные, с красными прожилками. Скулы, которые стали острее за последнюю неделю. Рот, привыкший улыбаться, но сейчас сжатый в тонкую линию.

Он брелся медленно, как делал всегда, когда ему нужно было подумать. Каждое движение — как ритуал. Он видел своё отражение и говорил с ним — молча, но внутри него звучал голос, который он редко слушал.

«Почему я выбрал ложь? — спросил он себя. — Потому что правда — это оружие, но оружие двустороннее. Оно ранит и того, кто его держит. Я видел, как честность убивает людей. Она убила старую миссис Грей, она убила мою веру в справедливость. Но, может быть, я просто трус? Может быть, я боялся не правды, а её последствий?»

Он провёл лезвием по щеке, смывая пену, и увидел на коже маленькую царапину. Кровь выступила алыми бусинками, и он стёр её пальцем.

«Цинизм — это не защита, — подумал он. — Это единственно возможная честность перед самим собой. Если я признаю, что мир — это грязная сделка, я хотя бы не буду

выглядеть дураком, когда кто-то меня обманет. Но что, если мир на самом деле не грязный? Что, если я просто выбрал грязную сторону?»

Он поставил бритву и посмотрел на своё лицо, такое же бледное и напряжённое, как у человека, который давно не видел солнечного света. И вдруг произнёс вслух, в пустоту ванной комнаты, слова, которые пришли откуда-то из глубины:

— Я не лгу, чтобы обмануть других. Я лгу, чтобы не разочароваться в них.

Тишина ответила ему шумом воды из крана. Он закрыл кран и вытер лицо полотенцем. Решение было принято. Встреча с Кармине состоится. Но не на его территории и не на территории мафии. Он предложит нейтральное место, где у него будет хотя бы иллюзия контроля.

Он вышел из ванной, прошёл в гостиную и сел на диван, глядя на ночной город. Где-то там, в этих мигающих огнях, скрывались все его враги. И союзники, которых он ещё не успел предать.

Глава 4. Разговор с дьяволом

Гараж был заброшенным, пахло бензином, ржавчиной и страхом. Лакки приехал ровно в полдень, на старой «Хонде», которую он взял у Карла, чтобы не светить свою машину. Кармине уже ждал его — сидел в своём чёрном «Мерседесе», с опущенным стеклом, и курил сигару. Вокруг стояли трое его людей, с руками в карманах курток. Профессионалы.

Лакки вышел из машины, поднял руки в жесте примирения и подошёл к «Мерседесу».

— Ты храбрый, Кейн, — сказал Кармине, выпуская клуб дыма. — Или глупый. Я не решил пока.

— Я просто хочу поговорить, — ответил Лакки, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как деловой человек с деловым.

Кармине усмехнулся. У него было лицо, которое не выдавало возраста — морщинистое, но живое, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться.

— Ты знаешь, что я дал показания? Я сделал это ради сделки. У меня есть проблемы, Кейн. И ты, со всеми твоими уловками, не можешь мне помочь.

— Могу, — сказал Лакки, приближаясь на шаг. — Я знаю про Виктора Лоренцо. Он сидит в тюрьме за мелкую кражу, но он знает про твой контрабандный канал через порт. Если

он заговорит — тебе не поможет ни одна сделка. Даже если ты сдашь десять водителей.

Кармине выпустил дым и прищурился.

— Ты угрожаешь мне, Кейн?

— Я предлагаю сделку, — ответил Лакки. — Ты отказываешься от своих показаний в суде — скажешь, что ошибся, что перепутал даты, что твоя память подвела. Я же беру на себя Лоренцо. Он исчезнет. Навсегда.

— Ты не убьёшь его, — усмехнулся Кармине. — Ты слишком чистый для этого.

— Я не буду его убивать, — честно признался Лакки. — Я отправлю его туда, где его никто не найдёт. Но для тебя он исчезнет. Ты знаешь, что я могу это сделать.

Кармине задумался. Он докурил сигару, затушил её о стекло и протянул руку к Лакки.

— Хорошо, — сказал он. — Но у меня есть условие. Ты сделаешь это лично. Я хочу быть уверен, что ты не оставишь хвостов. И если что-то пойдёт не так — ты ответишь головой.

— Согласен, — сказал Лакки, пожимая его холодную, сухую ладонь.

Внутри у него всё сжалось. Он только что переступил черту, которую всегда обходил. Он не был киллером. Но он только что пообещал сделать нечто незаконное, и это было не просто мухлевание в суде. Это было участие в преступлении, которое пахло реальной тюрьмой.

Когда он уезжал с гаража, дождь снова начался. Он включил дворники и прошептал: «Я уже продал душу, осталось только сдать её в аренду».

Глава 5. Эвелин под прицелом

Бар назывался «Синий павлин» — место для тех, кто хотел выпить в одиночестве и не найти утешения. Лакки сидел у стойки, заказал виски с содовой и смотрел, как бармен полирует стаканы с бессмысленным усердием. Голова гудела после встречи с Кармине, и он пытался успокоить нервы единственным способом, который знал.

И тут она вошла. Эвелин Роуз, в тёмном платье, без форменного пиджака, с распущенными волосами, которые делали её моложе и опаснее одновременно. Она подошла к стойке бара рядом с ним, словно это было самое естественное место в мире.

— Случайность? — спросил Лакки, не глядя на неё.

— Совпадений не бывает, — ответила она, заказывая martini с оливкой. — Я следила за тобой, Кейн. Только не для того, чтобы арестовать. Просто мне стало интересно.

— И что ты узнала?

Она повернулась к нему, и в её глазах не было ни капли пьяного флирта — только трезвый, холодный расчёт.

— Ты встретился с Кармине. Ты думал, что я не узнаю? У меня есть люди, которые видят всё. Но я не собираюсь использовать это против тебя, Кейн. По крайней мере, пока.

Лакки усмехнулся.

— Ты что, предлагаешь мне дружбу?

— Я предлагаю тебе остановиться, — сказала она тихо. — Ты играешь с огнём, который сожжёт тебя дотла. Кармине не прощает предательства. И когда он поймёт, что ты обманул его — а он поймёт, он стар, но не глуп — ты не сможешь спрятаться. Ты думаешь, что ты умнее всех. Но ты просто запутался в собственной лжи.

Она придвинулась ближе, и он почувствовал запах её духов — терпкий, как кровь и перец.

— Я знаю, что ты мухлюешь в судах, — продолжила она. — У меня нет доказательств, пока. Но я вижу, как ты работаешь. Я сама такая же, только на другой стороне. Я тоже вру, но только во имя закона. Ты врущий во имя денег. Это единственное различие.

Она допила martini, оставила несколько купюр на стойке и вытащила визитку.

— Если решишь когда-нибудь попробовать честность — позвони. Но знай: у меня есть на тебя кое-что, Кейн. И я пока не знаю, как этим воспользоваться.

Она ушла, оставив визитку на стойке. Лакки взял её, посмотрел на имя и номер, затем медленно зажёг зажигалкой и сжёг прямо на стекле. Но пепел не стёрся из памяти. Впервые за долгие годы он встретил женщину, которая не нуждалась в его лжи. И это пугало его больше, чем угрозы мафии.

Глава 6. Тень прошлого

Больница пахла дезинфекцией и отчаянием — тот же запах, что и всегда. Лакки поднялся на третий этаж, вошёл в палату матери и застыл. Лорейн лежала на койке, бледная, с капельницей, и казалась старше на десять лет. Медсестра сказала, что у неё случился микроинфаркт. Ничего критического, но она нуждалась в покое.

Лакки сел рядом, взял её сухую руку.

— Ты не слушаешь меня, Люк, — прошептала она. — Ты играешь в опасные игры, и я чувствую, что это кончится плохо.

— Всё под контролем, мама.

Она открыла глаза — мутные, но пронизательные.

— Твой отец тоже так говорил. Знаешь, как он умер?

Лакки замер. Он никогда не спрашивал об отце. Мать избегала этой темы. Но сейчас она смотрела на него с такой усталой решимостью, что он не мог отвести взгляд.

— Он был юристом, как ты. Только он работал на правительство. Расследовал дела мафии. И однажды он решил, что может перехитрить их — взять взятку и при этом не сдать своих. Думал, что сможет играть на две стороны. Они нашли его в канаве с пулей в затылке. Ему было тридцать восемь.

Лакки почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он не знал отца, но сейчас он смотрел в зеркало. Тот же цинизм,

та же вера в свою гениальность.

— Почему ты никогда не говорила мне этого? — выдавил он.

— Потому что я думала, что ты сам поймёшь, — прошептала она. — Я ошиблась. Ты пошёл по его следу, Люк. Ты умрёшь той же смертью. Если не прекратишь.

Он хотел возразить, сказать, что всё под контролем, но слова застряли в горле. Он оставил деньги на лечение и ушёл, чувствуя, как внутри разрастается пустота. *«Может, я не борец с системой, а просто повторяю чужой сценарий? — подумал он. — И если это так, то где мой выбор?»*

Глава 7. Грязная работа

Заброшенный склад на окраине города был идеальным местом для того, что Лакки задумал. Он договорился с Виктором Лоренцо через своего тюремного знакомого — пообещал ему свободу, новые документы и билет в Южную Америку. Виктор был простаком, перепуганным до смерти, и он согласился.

Всё прошло гладко. Лакки привёз Виктора на склад, передал ему конверт с деньгами, паспорт и билет на рейс до Буэнос-Айреса. Он даже дал ему совет сменить имя и не возвращаться.

— Ты никогда не видел меня, — сказал Лакки. — Ты сбежал сам. Запомни.

Виктор кивнул и исчез в ночи. Лакки выдохнул — работа сделана. Но он не знал, что в тени склада, за грудой ящиков, установлена небольшая камера, которую полицейские поставили на неделю ранее для слежки за другим делом. Плёнка записала всё: его приезд, передачу денег и паспорта. Эвелин Роуз уже получила копию, но пока молчала.

Лакки вернулся в машину, и только когда отъехал на милью, заметил в зеркале заднего вида чёрный фургон, который припарковался у склада. Но он не придавал этому значения. Он думал, что победил.

Глава 8. Судный день

Наутро Лакки вошёл в зал суда с чувством, которое он называл «холодным триумфом». Он знал, что Кармине не явится. Судья открыл заседание, прокурор поднялся, чтобы призвать свидетеля, но Кармине не было. Его адвокат заявил, что у его клиента «проблемы с памятью» и он не может подтвердить свои показания. Судья, нахмурившись, объявил, что без свидетеля обвинение теряет основу.

Лакки встал и произнёс финальную речь, в которой перечислил все процессуальные нарушения, сомнительные улики и несостоятельность свидетельских показаний. Присяжные совещались всего два часа. Вердикт — невиновен.

Когда судья стукнул молотком, Лакки почувствовал, как вес свалился с плеч. Клиент, Майкл Дорн, обнимал его, плакал, благодарил. Лакки похлопал его по спине, но внутри не было радости. Только усталость.

Он вышел в коридор, и там его ждала Эвелин. Она стояла у стены, скрестив руки, с улыбкой на губах — не злой, а какой-то горькой.

— Ты думаешь, что выиграл? — прошептала она, приблизившись. — Я знаю про склад. Я знаю про Виктора Лоренцо. У меня есть запись, Кейн. Ты не просто мошенник, ты теперь соучастник преступления. Ты думал, что перехитрил Кармине? Но ты перехитрил сам себя.

Лакки замер. Кровь отхлынула от лица.

— Ты блефуешь, — сказал он, стараясь не выдать дрожи.

— Я не блефую, — ответила она, кладя руку ему на плечо.

— Но пока я не решила, как использовать эту плёнку. Ты мне нужен живым. По крайней мере, пока.

Она ушла, а Лакки остался стоять в коридоре, чувствуя, как мир рушится под ногами. Он выиграл процесс, но проиграл свободу. И что-то подсказывало ему, что это только начало.

Глава 9. Расплата

Ночь была безлунной, и Лакки вернулся в свою квартиру с мыслью, что ему нужно выпить и всё обдумать. Но когда он повернул ключ в замке, дверь открылась сама. Внутри был погром. Ящики выдвинуты, бумаги разбросаны, компьютер на полу разбит. На стене красной краской было выведено: «Лгун».

Лакки не сомневался, кто это. Кармине узнал, что Виктор не убит, а сбежал в Южную Америку — но не в ту страну, где у Кармине были люди. Лакки отправил его в Аргентину, а не в Парагвай, и теперь босс чувствовал себя обманутым. Месть была неминуема.

На столе лежал телефон — его собственный, с одним пропущенным сообщением. Он открыл его. Текст: «Ты лгал даже мне, Кейн. Теперь ты мой враг. Кармине».

Лакки выронил телефон и оглядел разгром. Он был один. Враги — мафия и прокурор с компроматом. Союзников нет. Он рухнул в кресло и прикрыл глаза.

И тут зазвонил его мобильный. Номер был незнакомый, но он ответил.

— Алло, — раздался голос Эвелин. — Ты видел, что случилось. Кармине хочет твоей смерти. Я предлагаю тебе сделку. Приходи в мой офис завтра утром. Только без лжи. Я могу спасти тебя, но ты должен помочь мне поймать его.

Лакки долго молчал. Потом сказал:

— Я приду.

Он отключился и посмотрел в пустоту. Других вариантов не было.

Глава 10. Цена монолога

Офис Эвелин располагался на десятом этаже здания прокуратуры, и стеклянные стены отражали утреннее солнце, делая комнату похожей на аквариум. Лакки вошёл, чувствуя себя рыбой, которую загнали в угол.

Эвелин сидела за столом, перед ней лежала тонкая папка. Она указала на стул напротив.

— Садись, Кейн. И не пытайся врать. Я вижу каждую твою уловку.

Лакки сел и сложил руки на коленях.

— Ты хочешь меня сдать? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Я хочу, чтобы ты стал моим осведомителем. Ты будешь работать на меня, помогать мне собирать доказательства на Кармине. Взамен я закрою глаза на твои прошлые грехи — включая запись с камеры.

Она открыла папку. Там лежали фотографии со склада — он, передающий паспорт Виктору. Лакки почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Ты не даёшь мне выбора, — сказал он.

— Выбор есть всегда, — возразила она. — Ты можешь отказаться, и я передам плёнку в полицию. Или ты можешь согласиться и стать тем, кто помогает закону, а не обходит его. Ты всё ещё будешь адвокатом, но теперь у тебя будет другая игра.

Она выдвинула ящик и положила перед ним договор о сотрудничестве. Обычный, сухой юридический документ. Но за ним стояла его жизнь.

Лакки смотрел на бумагу и думал о матери, об отце, о том, как его ложь привела его в эту комнату. *«Монолог циника заканчивается, когда кто-то начинает слушать, — подумал он. — И я не знаю, кто слушает — она, мафия или моя совесть, которую я считал мёртвой».*

Он взял её ручку, поднёс к бумаге и замер. Можно было подписать — и стать шпионом, предав свою же гильдию лжецов. Можно было отказаться — и бежать, но куда? У него не было ни денег, ни связей, которые могли бы защитить его от Кармине.

Он посмотрел на Эвелин. Она смотрела на него с любопытством, без торжества, без злобы. Она давала ему шанс. Но цена была слишком высока — он должен был признать, что его философия не работает. Что ложь не валюта, а тюрьма.

Лакки занёс ручку над строкой «Подпись», и его рука зависла в воздухе. Сердце билось где-то в горле. Он знал, что, подписав, он станет другим человеком. Но он также знал, что, не подписав, он умрёт.

Он посмотрел в глаза Эвелин и прошептал:

— А если я не хочу быть ни тем, ни другим?

Она улыбнулась — впервые искренне, и в этой улыбке было что-то тёплое.

— Тогда тебе придётся придумать третий путь, Кейн. Но я сомневаюсь, что ты на это способен.

Лакки замер. Ручка дрожала в пальцах. За окном серый город просыпался под дождём, который обещал не прекращаться неделями. Где-то там, в этих грязных улицах, прятался Кармине, ждала мать, и прошлое стучалось в дверь, как старый знакомый, которого не позвали.

Он не подписал. Он просто сидел и смотрел на бумагу, не в силах сделать выбор. А читатель оставался в этой паузе, чувствуя, что самое страшное ещё впереди.

Часть третья

Стук из прошлого

Глава 1. Голос из магнитофона

В стеклянном аквариуме офиса Эвелин Роуз время застыло, как муха в янтаре. Ручка всё ещё лежала перед Лакки — тонкая, чёрная, с золотым ободком, — но он так и не прикоснулся к ней. Тишина висела между ними такая густая, что можно было резать ножом. За окнами дождь барабанил по стёклам, и этот ритм напоминал Лакки пульс — чужой, равнодушный, не его.

Эвелин первой нарушила молчание. Она откинулась на спинку кресла и скрестила руки на груди.

— Ты всегда так долго взвешиваешь каждое решение? Или только те, которые касаются твоей шкуры?

Лакки усмехнулся, но улыбка вышла кривой, как старая рана.

— Каждое. Даже выбор кофе в автомате. Потому что однажды я выбрал кофе с молоком, и меня вырвало прямо перед присяжными. С тех пор я пью только чёрный. Видишь, даже у такой ерунды есть последствия.

Он ждал, что она улыбнётся в ответ, но Эвелин осталась серьёзной. Она медленно открыла ящик стола и вытащила потёртую фотографию. Положила её перед Лакки, развернув к нему лицом.

На снимке два мальчишки лет четырнадцати. Один из них — он сам, ещё Люк, с тонкой шеей и внимательными глазами, которые уже тогда смотрели на мир с недоверием. Второй — коренастый, с наглой ухмылкой, в руке он держал мяч, но смотрел не в объектив, а куда-то в сторону, словно кого-то высматривал. Томми Рейнольдс.

— Этот парень вышел из тюрьмы на прошлой неделе, — сказала Эвелин, и голос у неё стал тише, как у женщины, которая знает, что сейчас начнётся буря. — Он ищет тебя. И, судя по его словам, он хочет не просто поздороваться. Он говорит, что у него есть на тебя кое-что. То, что ты ему должен ещё со школы.

Лакки почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Он узнал Томми мгновенно — эти глаза, этот разрез губ, даже эта поза, словно он был готов ударить в любой момент. Томми был его первым другом. Его первым экспериментом. Его первой настоящей жертвой.

Он не взял фотографию, но смотрел на неё так, будто видел призрака.

— Где он? — спросил он, и голос прозвучал хрипло.

— Где-то в городе. Он пришёл в участок и сказал, что хочет сделать заявление. О тебе. Я перехватила это дело, по-

тому что мне нужны были рычаги давления на тебя. Но теперь... я думаю, это серьёзнее, чем я предполагала. Ты хочешь рассказать мне, кто он?

Лакки молчал. Внутри его завывал ветер, поднимая пыль забытых лет. Томми. Проклятый Томми. Он думал, что тот сгнил там, в той дыре, куда он его отправил. Он специально подсунул письмо в полицию, чтобы срок вышел дольше. Два года превратились в четыре, четыре в семь, и он перестал о нём думать. А теперь Томми вышел, и он помнил.

Он встал, резко, опрокинув стул. Эвелин не шелохнулась. — Я подумаю над твоим предложением, — сказал он, не глядя на неё. — Завтра дам ответ.

Он вышел, не попрощавшись, и в коридоре прислонился к холодной стене. Закрыв глаза. Впервые за много лет его внутренний монолог прервался — там, где обычно звучал циничный, выверенный голос, теперь билось паническое эхо прошлого.

Глава 2. Библиотекарь с железной рукой

Двадцать шесть лет назад. Общественная библиотека имени Эндрю Карнеги стояла на углу Двенадцатой и Мэйн, и её жёлтые стены облупились от времени, как старая кожа. Маленький Люк Кейн сидел в дальнем углу, скрестив ноги, и читал «Искусство войны» Сунь-цзы. Рядом лежали «Государь» Макиавелли, «О тактике» Вегеция и потрёпанный томик «Психологии влияния» — книги, которые он брал на абонементе взрослого отдела, и никому не было дела, что читает десятилетний мальчишка.

В тот день к нему подошла миссис Харпер, главный библиотекарь, женщина с железным пучком седых волос и глазами, которые видели три войны и две депрессии. Она села на корточки рядом и взяла книгу из его рук.

— Мальчик, тебе бы книжки про пиратов почитать. Или про футбол. А ты сидишь с этими... для взрослых. Ты хоть понимаешь, что там написано?

Люк поднял на неё глаза — серьёзные, без детской искры.

— Понимаю. Это про то, как побеждать без боя. Вот здесь, глава третья, сказано, что лучшая победа — когда противник сдаётся без сопротивления. Я хочу научиться этому.

Миссис Харпер нахмурилась, но не прогнала его. Она ви-

дела таких детей: они или ломались, или становились волками. Этот был волчонком.

— Зачем тебе побеждать? Ты войну затеял?

Люк помолчал. На его лице мелькнула тень, которую он редко позволял видеть другим.

— На улице меня бьют старшие. Дома мама приходит уставшая и плачет. Она говорит, что отец ушёл, потому что он плохой. Я хочу знать, как заставить плохих людей не делать плохого. И как сделать так, чтобы мама не плакала. Если я научусь побеждать без драки, может быть, она перестанет плакать?

Миссис Харпер вздохнула. Она взяла его за руку — костлявую, но твёрдую — и повела в заднюю комнату, где хранились карты и портреты великих стратегов. Там она развернула его к себе.

— Если хочешь знать правду, Люк, твой отец был трусом. Он ушёл, когда твоя мать была беременна тобой, и не оглянулся. Ты родился с этим грузом, но ты можешь его сбросить. Ум — это сила, но ум без понимания людей — как ключ без замка. Ты умеешь смотреть на людей и видеть, чего они хотят?

Люк задумался. Он вспомнил, как его одноклассник Билл врал о новом велосипеде, и как его глаза бегали, когда он говорил об этом. Он вспомнил, как учительница мисс Картер улыбалась, но её кулаки были сжаты, когда она смотрела на директора.

— Я вижу, когда они говорят неправду, — тихо сказал он. Миссис Харпер кивнула.

— Тогда ты уже на полпути. Но запомни: знание чужих слабостей даёт тебе власть, но оно же делает тебя одиноким. Люди не любят, когда их читают как книгу. Если ты будешь слишком много видеть, они будут бояться тебя. И друзей у тебя не будет.

Люк посмотрел на неё с той же серьёзностью.

— А мне и не нужны друзья. Мне нужны союзники. Друзья — это слабость. Союзники — это инструменты. Их можно заменить.

Миссис Харпер не стала спорить. Она только покачала головой и отпустила его. Но в тот вечер она записала в своём дневнике: «Этот мальчик уже сделал выбор. Боюсь, ему придётся заплатить за него всю жизнь».

Глава 3. Первая шахматная партия

Школьный двор в четырнадцать лет был полем боя, где каждый день решалась судьба слабых. Люк Кейн стоял у стены, наблюдая за Томми Рейнольдсом, который раздавал подзатыльники малышам. Томми был вожаком, шумным и сильным, но Люк видел в нём трещину: Томми боялся отца-алкоголика, и этот страх делал его жестоким.

Люк подошёл к нему на большой перемене. Томми окинул его взглядом, полным презрения.

— Чего надо, ботан? Опять книжки читаешь?

Люк выдержал паузу — ровно столько, чтобы Томми почувствовал себя неуверенно.

— Я хочу предложить тебе сделку, — сказал он. — Ты будешь меня защищать от других старших, а я буду делать за тебя домашние задания и подсказывать на контрольных. Ты станешь умнее, я стану в безопасности. Выгодно обоим.

Томми фыркнул.

— А если я просто сейчас тебя отлуплю?

Люк не моргнул.

— Тогда твоя мама узнает, что ты куришь в туалете и ворует сигареты у её подруги. Я видел. И я могу рассказать учителю. Но я не расскажу, если мы договоримся. Выбирай.

Томми побледнел. Он оглянулся, но вокруг никого не было. Этот ботаник, этот тихий книжный червь, держал его за

яйца. Он сжал кулаки, но потом протянул руку.

— Договорились. Но если ты меня подставишь, я тебя прибую.

Люк пожал его холодную ладонь.

— Не подставляю. Мне нужен не враг, а союзник.

Он сдержал слово — ровно до того дня, когда союзник стал опасен. Но это было позже. А тогда он просто начал вести тетрадь, которую назвал «Каталог слабостей». Томми был первой записью.

Глава 4. Отец, которого не было

Лакки вернулся в свою пустую квартиру, когда часы показывали почти полночь. Он не включал свет, прошёл в гостиную и сел на диван, глядя на экран телевизора. Там лежал старый диск — «Крёстный отец», фильм, который он смотрел в детстве бесчисленное количество раз. Он нажал на воспроизведение, и голос Вито Корлеоне заполнил комнату.

Он знал каждую сцену. Знание, что где-то существует мир, где мужчины берут на себя ответственность и защищают свою семью, стало для него религией. Его настоящий отец был лишь именем на свидетельстве о рождении — пустота, которую мать заполняла обрывками фраз. «Твой отец был слаб». «Твой отец сбежал». «Твой отец умер». Лакки, тогда ещё Люк, искал мужской пример в фильмах, в книгах, в разговорах библиотекарки.

Он смотрел на экран и говорил вслух, обращаясь к седому Корлеоне:

— Ты стал моим отцом, старик. Ты научил меня, что сила — в уме и в спокойствии. Никогда не злись, никогда не угрожай — это признак слабости. Ты научил меня, что семья — это всё. Но у меня нет семьи. Только мать, и её сердце не выдержит правды.

Он остановил кадр на моменте, где Майкл Корлеоне стоит в церкви во время крещения, а за стенами гибнут его враги.

На его лице застыла молитвенная маска, и Лакки улыбнулся. Идеальный образ лицемерия и силы.

В дверь позвонили.

Лакки встал, подошёл к двери и, не глядя в глазок, открыл. На пороге стоял Томми Рейнольдс. Томми изменился. глубокие шрамы на лице, глаза потухшие, но в них всё та же наглая усмешка.

— Привет, Люк, — сказал он, и голос его звучал как скрежет ржавого ножа. — Я слышал, ты теперь крутой адвокат. Лакки Кейн. А я вот из тюрьмы. И я пришёл за тем, что ты мне должен. Помнишь ту историю? Выпускной класс?

Лакки стоял, загораживая проход, и холодное спокойствие вернулось к нему, как защитная оболочка.

— Ты пьян, Томми. Иди проспись. Завтра поговорим.

Томми шагнул вперёд, заставляя Лакки отступить.

— Нет, не уйду. Ты подставил меня тогда. Специально. Ты хотел, чтобы я убрался из города. Ты использовал меня как тряпку, а потом выбросил. Теперь я вышел и хочу, чтобы ты заплатил. Деньги, Люк. Иначе я расскажу всем, какой ты на самом деле.

Лакки смотрел на него, и его мозг работал, как швейцарские часы. Томми был всё так же жаден и глуп — с ним можно было договориться. Но платить означало кормить паразита бесконечно. Нужно было другое решение. Он вспомнил урок Макиавелли: слабого врага нужно сделать полезным.

— Хорошо, — сказал он, отступая в сторону. — Заходи.

Поговорим как мужчины. Может быть, ты не всё знаешь.

Томми вошёл, и за ним закрылась дверь, отрезая прошлое от настоящего. Начиналась игра, в которой ставкой была жизнь.

Глава 5. Двадцать лет назад: последний год школы

Старшая школа — время, когда мальчики становятся либо героями, либо жертвами. Люк Кейн, которому тогда было семнадцать, выбрал третью дорогу — дорогу кукловода. Томми был его правой рукой, но он становился слишком опасным: он знал слишком много и слишком часто намекал на это. Люк решил, что пришло время избавиться от своего орудия.

Всё случилось после кражи из школьной раздевалки. Люк сам всё спланировал: он оставил отпечатки Томми на шкафчиках, «случайно» сообщил учителю, что видел Томми у раздевалок, и обеспечил себе алиби — он был в библиотеке, и его видели полдюжины свидетелей. Томми забрали, но по малолетству отпустили.

Люк не остановился. Он написал анонимное письмо в полицию, в котором перечислил прошлые мелкие преступления Томми, добавив несколько выдуманных деталей. Письмо сработало — Томми получил реальный срок.

В день суда Люк сидел в зале, и когда Томми выводили из клетки, он встретился с ним взглядом. Томми смотрел с ненавистью, но ничего не мог сказать — у него не было доказательств. Люк наклонился вперёд и прошептал, почти без-

звучно:

— Ты был хорошим инструментом, Томми. Но инструмент, который может поранить мастера, нужно убирать. Не обижайся — это бизнес.

Томми увели, и Люк вышел из суда с холодным удовлетворением. В тот день он окончательно потерял иллюзию о своей невинности. Но он приобрёл знание: чтобы выжить, нужно быть готовым предать любого.

Глава 6. Университет: первый курс

Юридический факультет стал для Люка новой шахматной доской. Он изучал законы не как свод правил, а как лабиринт с множеством лазеек. Его профессор, Марлоу, старый адвокат с седыми бакенбардами и циничным взглядом, сразу заметил его. Однажды после лекции он остановил Люка в коридоре.

— Мистер Кейн, вы делаете блестящие успехи, но ваши сочинения полны презрения к самой идее права. Почему вы выбрали эту профессию, если не верите в неё?

Люк ответил без запинки:

— Я верю в то, что право — это игра. И я хочу быть лучшим игроком. Справедливость — иллюзия для бедных. Реальность — это сила, деньги и власть. Чтобы получить власть, нужно знать правила. Я их учу.

Марлоу рассмеялся.

— Ты или гений, или социопат. Я ещё не решил. Хочешь стажироваться в моей конторе? Я научу тебя, как обходить законы, не нарушая их. Это искусство.

Люк согласился. Марлоу стал его наставником, и он быстро освоил процессуальные уловки, давление на свидетелей, манипуляцию судьями. Он также обрастал знакомствами среди студентов — но это были не друзья, а полезные связи. Один из них, Дэнни, его сосед по комнате, как-то рассказал

о своих проблемах с девушкой, а заодно упомянул, что его брат связан с наркоторговцами. Люк записал эту информацию в свой «Каталог» и использовал спустя месяц, чтобы получить доступ к сведениям о местных дилерах. Дэнни так и не понял, как его развели.

На третьем курсе Люк перестал общаться с сокурсниками. Он уже был волком-одиночкой, и ему это нравилось.

Глава 7. Мать и её секрет

На следующее утро Лакки поехал к матери. Она уже выпи-салась из больницы, но чувствовала себя плохо: сердце сда-вало, и она почти не вставала с кровати. Он принёс ей апель-сины и сел рядом.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она, глядя на него.
— Что-то случилось? Опять проблемы?

Лакки помолчал. Он никогда не говорил ей о деле, но сей-час чувствовал, что должен.

— Я встретил Томми Рейнольдса. Он вышел.

Лицо матери стало белым. Она долго смотрела в стену, затем закрыла глаза.

— Боже... Люк, ты должен быть осторожен. Этот маль-чик... он принесёт тебе беду.

— Мам, я хочу спросить тебя об отце. Ты всегда говорила, что он ушёл. Но вчера ты сказала, что его убили. Кто?

Мать открыла глаза. В них стояли слёзы, но она держала их.

— Я не хотела тебе говорить. Думала, если ты не будешь знать, ты не пойдёшь по его пути. Но я вижу, ты всё равно пошёл. Твой отец, Джеймс Кейн, работал на одного человека — на Кармине Моретти. Он был его водителем, но потом по-пытался обмануть босса. И они убили его. Я узнала об этом случайно, через знакомого в полиции. Я сказала тебе, что он

умер в канаве — это была правда. Но я скрыла, кто его убил.

Лакки сидел, чувствуя, как мир переворачивается. Кармине. Тот самый Кармине, с которым он играл в покер, с которым он заключил сделку. Тот самый, который только что предал его. Отец работал на него и погиб. И Лакки, сам того не зная, продолжил его дело.

Мать взяла его за руку.

— Ты умён, Люк. Умнее своего отца. Но ты такой же одинокий. И ты тоже играешь с огнём. Пожалуйста, остановись.

Лакки встал и поцеловал её в лоб.

— Я не могу остановиться, мам. Но я обещаю, что не умру в канаве.

Он ушёл, оставив её с молитвой, которую она шептала каждый вечер.

Глава 8. Каталог слабостей: новые записи

В своём офисе Лакки достал старую тетрадь в потёртом переплёте — «Каталог слабостей», которую он вёл с четырнадцати лет. Страницы были исписаны мелким почерком: имена, даты, заметки о страхах и желаниях людей. Он перелистнул до последнего чистого листа и начал писать.

Томми Рейнольдс: боится одиночества. Его мать жива, в доме престарелых «Вечнозелёный». Он не навещал её пять лет. Вина — его слабость.

Эвелин Роуз: двигатель — честолюбие. Хочет поймать крупную рыбу, чтобы подняться. Мне нужна быть полезным, чтобы она не сдала меня.

Кармине Моретти: боится дочери Анджели. Она для него — единственный чистый человек. Если она узнает правду, он рухнет.

Он закрыл тетрадь и посмотрел на доску, где висели схема связей между противниками. Он понял, что у него есть рычаги против каждого. Но чтобы использовать их, нужно было пожертвовать главным — своей независимостью. Если он станет кротом Эвелин, мафия его уничтожит. Если он откажется, она сдаст его полиции. Если он заплатит Томми, тот будет высасывать деньги. Если он убьёт Томми, он станет

убийцей, и это будет уже не игра.

Он принял решение: он сыграет на всех полях одновременно. Он будет давать Эвелин информацию, которая ослабит Кармине, но не раскроет его собственных дел. Он использует Томми как ложный след для Кармине, а Кармине как угрозу для Эвелин, чтобы она его не трогала. Это было рискованно, но он всегда играл ва-банк.

Глава 9. Встреча в старом кафе

На следующий день Лакки позвонил Томми и назначил встречу в кафе «У Джо» — том самом, где они сидели в юности. Интерьер не изменился: те же пластиковые столики, тот же запах жареного лука. Томми уже сидел с кружкой пива и смотрел на дверь, когда Лакки вошёл.

— Решил откупиться? — спросил Томми, не здороваясь.
— Я хочу сто тысяч. За раз, и я исчезну.

Лакки сел напротив и положил руки на стол.

— Сто тысяч — не проблема. Но ты не исчезнешь. Ты вернёшься за новой порцией. Я знаю тебя. Поэтому я предлагаю другое. Ты хочешь денег и мести. Я могу дать тебе месть. Кармине — тот самый босс, из-за которого я тебя подставил. Он был тем, кто натравил меня на тебя. Я был просто мальчиком на побегушках. Если ты поможешь мне его уничтожить, ты получишь не только деньги, но и удовлетворение. А я получу свободу.

Томми задумался. Он смотрел на Лакки с ненавистью, но в его глазах зажглась искра — искра мести, которая была сильнее голода.

— Ты говоришь, что он был причиной моих проблем?

— Он был причиной проблем твоего отца, — сказал Лакки, подливая масла в огонь. — Кармине отобрал у твоего отца бизнес. Ты сам знаешь, как всё закончилось. Я всего лишь

исполнитель. Но теперь я могу помочь тебе отомстить. Если ты согласишься на мою игру.

Томми допил пиво и раздавил кружку в ладони.

— Хорошо. Но если ты меня подставишь снова, я убью тебя. Ты меня знаешь — я не блефую.

Лакки кивнул.

— Я знаю. Поэтому я буду предельно честен — насколько это вообще возможно.

Они пожали руки. Лакки знал, что Томми — это бомба, но он собирался использовать её против Кармине.

Глава 10. Стук в стекло

Ночь опустилась на город, как чёрное одеяло, и Лакки сидел в своей квартире, перебирая стратегию. Три цели: дать Эвелин информацию о Кармине, использовать Томми как ложный след, и подставить Томми так, чтобы он либо уехал, либо был арестован. Он записывал шаги на бумаге, как шахматные ходы, и чувствовал, что контролирует ситуацию.

Внезапно он услышал звук — тихий, настойчивый, похожий на стук. Он поднял голову. Стук доносился из окна. Но его квартира была на девятом этаже — никто не мог стоять за стеклом.

Лакки подошёл к окну и увидел записку, приклеенную снаружи, на внешней стороне стекла. Там было написано каллиграфическим почерком: *«Прошлое всегда возвращается. Ты думал, я умер?»*

Он отклеил записку и смотрел на неё, не дыша. Почерк был странно знакомым — он видел его в старых письмах, которые мать хранила в шкафу. Письмах его отца.

Но отец был мёртв. Мать сказала ему об этом вчера. Кармине убил его. Или нет?

Лакки повертел записку в руках. Бумага была старой, пожелтевшей, но чернила свежие. Кто-то знал его историю. Кто-то, кто не был Томми. Это был кто-то с другого уровня. Он взял телефон и набрал Эвелин.

— Я согласен на твоё предложение, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но у меня есть условие: ты должна защитить меня от прошлого, которое пришло за мной. Иначе я не просто проиграю — я исчезну.

Эвелин молчала несколько секунд.

— Встретимся завтра. И принеси всё, что знаешь о себе. Всю правду.

Лакки положил трубку. Он снова посмотрел в окно — там никого не было, только дождь стекал по стеклу, как слёзы.

«Правда? — подумал он. — Её не существует. Есть только выгодные версии. И я выберу ту, которая спасёт меня. Даже если для этого мне придётся врать самому себе».

Он сел в кресло и долго смотрел на записку. Кто-то стучался в его прошлое, и этот стук был громче любых угроз. Завтра он сделает шаг, который изменит всё. Но что, если прошлое уже изменило его, и он просто не знал об этом?

Свет в квартире погас. Лакки остался в темноте, один на один с призраками, которые он сам породил.

Часть четвёртая

Игры в темноте

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.